
КОНЦЕПТ «ДЕРЕВО» В ЭТНОСПЕЦИФИЧЕСКОЙ КОНЦЕПТОСФЕРЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА СТРАН ТРОПИЧЕСКОЙ АФРИКИ

Н.С. Найдёнова

Кафедра иностранных языков
Филологический факультет
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье рассматривается концепт «дерево» как неотъемлемый элемент этноспецифической концептосферы французского языка стран Тропической Африки с привлечением как собственно языкового, так и экстралингвистического материала.

Ключевые слова: французский язык, Тропическая Африка, концептосфера, концепт, заимствование, метафора.

Термин «концепт», заимствованный из логики, применительно к лингвистическим исследованиям впервые был использован С.А. Аскольдовым-Алексеевым и Д.С. Лихачевым. Труды этих ученых послужили основой для возникновения впоследствии его многочисленных интерпретаций и дефиниций. С позиций психолингвистики концепт понимается как блок знаний, представляющий собой совокупность конкретно-образных (зрительных, слуховых, вкусовых, тактильных, обонятельных), понятийных (в том числе ценностных), прототипических, гештальтных, фреймовых, сценарных и пр. элементов в психике человека [4. С. 47].

Как лингвокультурное явление концепт трактуется как единица, призванная связать воедино научные изыскания в области культуры, сознания и языка, так как он принадлежит сознанию, детерминируется культурой и опредмечивается в языке, не относясь при этом непосредственно ни к языковой, ни к культурной сферам [6. С. 9—10]. При этом лингвокультурные концепты относятся к числу единиц ментальности (как способа мирозерцания в категориях и формах родного языка) / менталитета (категории, которая отражает внутреннюю организацию и дифференциацию ментальности) [3. С. 49], через которые описывается этнический характер.

В качестве базовой единицы культуры концепт рассматривается как некий сгусток культуры в сознании человека, т.е. концепт — основная ячейка культуры в ментальном мире человека [7. С. 43].

Концепт как лингвистическое явление понимается как конструкт, репрезентирующий ассоциативное поле имени, но не равный ему, т.е. как парадигматическая модель имени, включающая и логическую структуру его содержания, и сублогическую [8. С. 314].

Концепт как лингвокогнитивное явление — термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы

и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике [2. С. 90]. В рамках лингвокогнитивного подхода концепт трактуется как квант структурированного знания, формирующийся в сознании человека из его непосредственного чувственного опыта, предметной деятельности, мыслительных операций, языкового общения, самостоятельного познания значений языковых единиц [5. С. 4].

Синтезирующее определение концепта предлагает В.А. Маслова, по мнению которой концепт представляет собой семантическое образование, отмеченное лингвокультурной спецификой и тем или иным образом характеризующее носителей определенной этнокультуры. Отражая этническое мировидение, концепт маркирует этническую языковую картину мира, являясь в то же время неким квантом знания, отражающим содержание всей человеческой деятельности. Концепт окружен эмоциональным, экспрессивным, оценочным ореолом.

В рамках лингвокогнитивных исследований выделяется семантико-когнитивное направление, основная цель которого состоит в исследовании соотношения семантики языка с концептосферой народа, соотношения семантических процессов с когнитивными. Концептосфера включает в себя упорядоченную совокупность концептов, и основным средством доступа к ней является язык. Язык, будучи культурным кодом нации, связывает людей в этнос через концепты. Коммуникативно релевантная часть концепта вербализуется с помощью комплекса языковых средств, семантическое описание которых создает основу для моделирования концептов. Именно моделирование концептов как единиц этноспецифической концептосферы с помощью собственно лингвистических средств составляет суть лингвокогнитивной концептологии.

Соответственно, моделирование этноспецифической концептосферы требует использования не столько языкового, сколько экстралингвистического материала. Проиллюстрируем это на примере концепта «дерево», являющегося неотъемлемой частью этноспецифической концептосферы народов Тропической Африки. Именно широкое привлечение свидетельств культурного плана позволит нам понять ментальную природу данного концепта и его ценность для носителей африканской лингвокультуры.

Как справедливо отмечает А.И. Коваль, в африканском фольклоре дерево часто фигурирует как активный персонаж: оно не только видит, слышит, понимает, разговаривает, поет и даже ходит, но также и испытывает эмоции, выступая в качестве судьи: оно может покровительствовать сказочному герою, наградить его богатством, или, напротив, наказать или даже казнить его [1. С. 286].

У народа моси для описания составных частей дерева используются те же лексические единицы, что и для описания частей тела (*zugu* — голова человека и крона дерева, *seggha* — тело человека и ствол дерева, *niegha* — предки человека и корни дерева). Деревья, как и люди, обладают собственной жизненной силой *siiga*. Человек может продлить или улучшить свою жизнь, питаясь жизненной силой деревьев, но и дерево может забрать себе силу человека, который его посадил. Таким образом, дерево представляется двойником человека, и между ними устанавливается теснейшая связь.

Дерево может служить обиталищем сверхъестественных существ и играет особую сакральную роль, что может быть обусловлено архаическими доисламскими/дохристианскими воззрениями африканских народов. Дерево обладает лечебной способностью, используется в магических ритуалах, что объясняет происхождение метафор на собственно африканской основе, например, *saisir les racines du tamarinier* — выздороветь (дословно «ухватиться за корни тамаринда»). Духи, обитающие в тамаринде, помогают беременным женщинам, а само дерево считается символом силы и выносливости, благодаря чему его древесина используется для изготовления магических талисманов gris-gris, оберегающих от физических травм.

Мистическими свойствами наделяется также кустарник ибога (*iboga*), он занимает важное место в религиозном культе *bwiti* (bwiti), имеющем большое число последователей в Габоне, Камеруне, Конго и других странах Западной и Центральной Африки, который использует корень растения в целом ряде своих ритуалов. Корень ибоги употребляется при обряде инициации, а также в ходе ритуалов и танцев для общения с предками. Ибогаин, содержащийся в корне растения, используется также в лечебных целях.

В сказочных западноафриканских сюжетах известно так называемое «дерево с сокровищем», развешивающее свое чрево, чтобы одарить героя сказки богатствами (как правило, баобабы). Функции дерева-покровителя (например, покровителя сирот) выполняет дерево кайя (*cailcédrat, kailcédrat*): мать, умирая, доверяет ему свою дочь, и дерево обязуется оберегать судьбу подопечной [16]. Кроме того, кайя является деревом монархов и символизирует гордость и величество: «*Dès les premières notes de la reprise, plus fiers que des kailcédrats royaux, tels des artistes d'une troupe de revue qui n'attendaient que le signal, la colonie des nègres nantais s'est levée*» [14. С. 136]. Может оно выступать и «деревом совета» (*arbre à palabres*), т.е. деревом, под которым происходит собрание жителей деревни для обсуждения каких-либо вопросов: «*Arbre à palabres, à cette heure réduit à son symbole, il s'élevait, farouche, ses feuilles asséchées par l'harmattan, toutes branches déployées, installant une imploration plus impressionnante encore d'être muettes*» [11. С. 17].

Не менее символично для Тропической Африки и так называемое огненное дерево (*flamboyant*), ярко красные цветы которого не только символизируют африканский континент, но и являются символом новой жизни (ср. сборник стихов сенегальского поэта Амаду Элиана Кана *Le Songe des Flamboyants de la Renaissance*).

Дерево сыграло немаловажную роль в истории Тропической Африки, например, так называемое «дерево забвения» (*l'arbre de l'oubli*), растущее в порту Уида в Бенине, откуда отправляли рабов в Европу. По традиции, перед отправкой женщины должны были обойти вокруг него семь раз, а мужчины девять, после чего считалось, что они предали забвению свои корни, свой язык и свое происхождение. Сегодня на месте этого дерева растёт другое — *kpatiman*, обладающее очищающими свойствами и используемое в ритуалах вуду. Непосредственно перед посадкой на корабль будущие рабы трижды обходили вокруг «дерева возврата» (*l'arbre du retour*), что, по преданию, гарантировало возврат их души по-

сле смерти на землю их богов и их предков. Плоды этого дерева (дерева кола — *kola/cola* (источник заимствования не известен) или *hounti*) носят символический характер и используются при приготовлении снадобий для лечения слоновой болезни, а также в ходе мистических ритуалов. Название дерева кола входит и в состав словосочетаний, например, *cola jazz* — ритуальный танец вуду, получивший свое название благодаря тому, что, исполняя его, танцоры в большом количестве потребляют орехи кола. Данная магическая церемония настолько популярна, что легла в основу романа *Cola cola jazz* тоголезского писателя Кангин Алема.

В плане вербализации концепта «дерево» во французском языке стран Тропической Африки, помимо собственно французских терминов (*manguier, palmier, goyavier*), основное количество лексических единиц представлено заимствованиями из африканских языков, что обусловлено огромными различиями между растительными мирами Европы и Тропической Африки:

carité, karité (из волоф и сонинке) — масляное дерево: “...frère Oukala nous entoura de colliers de sauris et enduisit nos corps de beurre de *karité*” [9. P. 308];

kapokier (из малагасийского) — хлопковое дерево: “Dans le même rôle de cierge d’allée, l’antithèse du rustique et monstrueux *kapokier* est le Palmier royal dont on peut voir de remarquables alignements dans l’enceinte de la somptueuse univervité de Legon, près d’Accra” [12. P. 290];

nééré (из манден), *soumbala* (из манден) — паркия (кустарниковое растение), боб паркии: “Dans un coin du marché, deux énergumènes étaient peut-être en train de se chipoter pour un kilo de *nééré*...” [14. P. 39];

safoutier (из киконго) — “Je m’étendis par terre à l’ombre d’un safoutier” [13. P. 330].

Названия некоторых растений получили во французском языке метафорическое обозначение — в их названиях отражается их полезность для людей и животных, особенности их внешнего вида или поведения: например, плоды баобаба (*baobab*) также называют *pain du singe* (обезьяний хлеб), т.к. ими питаются обезьяны. Дерево равенала (*ravenala*), листья которого располагаются в виде раскрытого веера, имеет названия *arbre à éventail* и *arbre du voyageur* (дерево-веер, дерево путешественника), т.к. в черешках листьев скапливается вода (до литра в каждой полости), которой можно напиться, сделав дырку в основании черешка, и хорошо утолить жажду в пути.

И наоборот, слово, имеющее метафорический эквивалент, само может употребляться как метафора. Например, название дерева *baobab*, являющегося в Африке символом долголетия и мудрости (что, кстати, в понимании африканцев — одно и то же, ибо в геронтократическом обществе самый старый человек автоматически считается самым мудрым), в переносном значении служит для обозначения старого умудренного жизненным опытом человека:

“A 81 ans, Louise Senghor, seule survivante des quarante frères et sœurs de l’ex-président, est, comme le dit l’un de ses neveux, le dernier “*baobab* de la famille” [10. P. 10, 63], “La jeune génération d’écrivains africains n’est pas tendre avec l’aîné tout en reconnaissant... sa valeur. “C’est un grand *baobab*”, dit Waberi” [15. P. 63].

Названия деревьев и их плодов в странах Тропической Африки обладают устойчивостью ассоциаций с определенными качествами и характеристиками и выступают основой для сравнений:

- jolie comme un masque gouro* — красивая, как маска ореха кола (Кот д'Ивуар),
limpide comme l'huile d'arachide — прозрачный, как арахисовое масло (Мали),
plus fier qu'un kaïlcédrat royal — горделивее дерева кайя (Демократическая Республика Конго),
plus vieux que les baobabs — старше баобабов (Мали),
tomber comme les mangues au mois d'avril — падать, как плоды манго в апреле (т.е. падать в большом количестве (Кот д'Ивуар)),
vrai comme une noix de cola blanche — правдивый, как белый орех кола (Мали).

Вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что лингвокультурный концепт, будучи антропоцентричным культурно-значимым многомерным образованием, представляющим собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта, обладает значительным эвристическим потенциалом и играет ключевую роль при изучении ментальности различных этносов. Реконструкция этноспецифической концептосферы невозможна без широкого привлечения внеязыкового материала и изучения культурных особенностей соответствующих социокультурных групп.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Коваль А.И. Тело человека и «тело» дерева: к этнокультурному словарю фульбе // Африканский сборник — 2007 / Отв. редактор В.Ф. Выдрин. — СПб.: Наука, 2008. — С. 279—289.
- [2] Кубрякова Е.С. Концепт // Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. — С. 90—93.
- [3] Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. — М.: Академия, 2010.
- [4] Мыркин В.Я. Понятие vs концепт; текст vs дискурс; языковая картина мира vs речевая картина мира // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира: Материалы Международной научной конференции. Архангельск: Поморский государственный университет, 2002. — С. 46—47.
- [5] Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. — Воронеж: Изд-во ВГУ, 1999.
- [6] Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. — М.: Academia, 2000.
- [7] Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры: Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Академический проект, 2001.
- [8] Чернейко Л.О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени. — М.: Либроком, 2010.
- [9] Beyala C. Les honneurs perdus. — P.: Editions Albin Michel, 1996.
- [10] Dioh T. Retour au royaume d'enfance // Jeune Afrique. L'intelligent. — 2002. — Hors-série № 3. — P. 10—13.
- [11] Effa J.-P. Le cri que tu pousses ne réveillera personne. — P.: Editions Gallimard, 2000.
- [12] Haeringer P. L'arbre dans la ville: lecture sociale en quatre tableaux du couvert végétal dans la ville africaine. — Cahiers ORSTOM. Série Sciences Humaines. — 1980. — Vol. 17. — Num. 3—4. — P. 289—308.

- [13] Inventaire des particularités lexicales du français en Afrique noire. — P., AUPELF et ACCT, 1983, réédité par l'AUPELF-UREF en 1988.
- [14] *Monenembo T.* Cinéma. — P.: Editions du Seuil, 1997.
- [15] *Thorin V.* Le catéchisme senghorien à l'index // *Jeune Afrique. L'intelligent.* — 2002. — Hors-série № 3. — P. 63.
- [16] *Seydou Chr.* Trois contes peuls // G. Calame-Griaule (éd.). Le thème de l'arbre dans les contes. T. 3. — P.: Bibliothèque de la S.E.L.A.F. — 1974 — № 42—43. — P. 113—140.

THE CONCEPT OF TREE IN THE ETHNICAL SPHERE OF CONCEPTS OF THE FRENCH LANGUAGE IN SUB-SAHARAN AFRICA

N.S. Naydenova

Department of Foreign Languages
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay str., 6, Moscow, Russia, 117198

The article deals with the concept of tree as an integral part of the ethnical sphere of concepts of the French language in sub-Saharan Africa on the basis of linguistic and cultural analysis.

Key words: French, sub-Saharan Africa, sphere of concepts, concept, borrowing, metaphor.